

Сиднейская опера была уникальной постройкой, созданной специально, чтобы привлечь внимание всего мира, — авангардный кунштюк, который окупается по законам шоу-бизнеса

культурная политика | ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

Звезды уходят в историю

Коммерсант № 8. — 2003. — 9 апр. — с. 21.

Объявлен лауреат Притцкеровской премии — архитектурного «Нобеля». Австралиец Йорн Атсон фактически награжден за проект полувековой давности. Институт звезд-архитекторов уходит в историю.

Конкурс на Сиднейскую оперу 38-летний архитектор Йорн Атсон выиграл в 1957 году, 46 лет назад. И хотя ее очень долго строили, до 1972 года, все равно это очень давнее событие. А кроме Сиднейской оперы Атсон ничего столь же заметного не построил. Частные дома в Скандинавии, несколько крайне аскетичных протестантских церквей и зал ассамблей в Кувейте, который такой национальный, что как-то не звучит. И даже эти «малые рассказы и повести» рядом с эпопеей Сиднейской оперы 85-летний Йорн Атсон сочинял еще задолго до того, как владельцы отелей «Хайат» Притцкеры решили основать главную архитектурную премию в мире (это произошло в 1979 году).

Этим выбором притцкеровское жюри определенно заявляет, что не видит в сегодняшней архитектуре ничего достойного. Сиднейская опера — не актуальный процесс, а история архитектуры. С тем же успехом притцкеровское жюри могло бы вручить свой приз потомкам Константина Мельникова или Якова Чернихова. Для актуальной премии это довольно жесткий жест, он ведет к разладу со всей сегодняшней архитектурной тусовкой.

То, что с премией что-то не так, стало ясно уже в прошлом году, когда ее присудили австралийцу Глену Меркатту. Это очень достойный архитектор, который строил частные дома для австралийцев — скромненько и со вкусом. После фантастических построек предыдущих лауреатов — сэра Нормана Фостера, Фрэнка Гери, Рема Колхаса и т. д. — эти дачки смотрелись каким-то вызовом. Тогда все решили, что просто возникла необходи-

мость как-то уважить Австралию, которой мало досталось архитектурных почестей. Но в этом году Австралию уважают во второй раз, а это уже явный перебор. Если бы притцкеровское жюри действовало по принципу континентальной политкорректности — каждому континенту по лауреату, тогда бы в этом году им следовало заняться Южной Америкой или даже Африкой.

Нет, они явно руководствуются какой-то другой логикой.

Здесь стоит отметить два обстоятельства. С одной стороны, Притцкеровская премия практически полностью контролируется институтом мировых звезд, который как раз и возник в 80–90-е годы. Это архитекторы, которые строят по всему миру, каждое здание которых оказывается аттракционом, в большей степени политическим (как рейхстаг Фостера), обязательно с элементом международного шоу (как Музей Гугген-

хайма в Бильбао Фрэнка Гери), и совсем не обязательно собственно архитектурным открытием. А с другой стороны, именно эти звезды своим выбором второй год отказываются пополнять свои ряды.

Выбор Йорна Атсона должен рассматриваться как попытка этих звезд обрести историческую легитимность. Фрэнк Гери, в этом году бывший членом жюри, обосновывал свой выбор Сиднейской оперы тем, что «это здание опередило свое время, оно могло бы быть построено сегодня». Он прав в том смысле, что Сиднейская опера являлась едва ли не первым аттракционом, очень похожим по способу функционирования на то, что делал сам Гери в Бильбао. В отличие от произведений классического модернизма, оно не открывало новых путей, оно не было манифестом нового направления, оно было уникальной, ни на что не похожей постройкой, созданной специ-

ально для того, чтобы привлечь внимание всего мира — авангардный кунштюк, который окупается по законам шоу-бизнеса. Просто толпы туристов валят туда, чтобы посмотреть на австралийское чудо света, точно так же, как толпы туристов валят в Бильбао посмотреть на баскское чудо света.

То есть получается, что сегодняшняя практика работы архитектора как звезды шоу-бизнеса имеет некую историческую укорененность. В этом плане выбор Атсона понятен и правомерен. Но когда актуальный художник начинает так тщательно подыскивать себе аналогии в истории, то он как бы расчищает под себя место, а значит, выпадает из актуального процесса. Я бы сказал, что выбор Йорна Атсона свидетельствует: институт звезд в кризисе, они уходят в историю.

Правда, в ближайшее время Притцкера ожидает реанимация. Единственным из актуальных мировых звезд, кто еще не полу-

чил премии, остается Даниэль Либескинд. В этом году он выиграл конкурс на восстановление Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, но притцкеровское жюри просто не успело учесть это обстоятельство. В следующий раз обязательно учтет, и это опять будет праздником архитектурного аттракциона.

Но кроме Либескинда других актуальных звезд больше нет, и, как показывает решение жюри, старые заботятся, чтобы новых и не появлялось. В принципе это приятно. В архитектурном раскладе 80–90-х годов России не нашлось никакого места, мы превратились в глубокую художественную провинцию, и до тех пор, пока эта расстановка сил сохраняет свою актуальность, мы ей и останемся. Если Притцкеровская премия начинает закусывать, то, несомненно, образуются новые структуры, в которых мы можем занять другое место.